

Последний солдат

Мария Фёдорова,

Корпус кадетских классов государственной службы
и управления средней школы № 6
г. Канаш Чувашской Республики

Факультатив по истории. В классе тепло, уютно, немного сонно и пахнет ванилью. Это фирменный запах Нины Семёновны — нашего учителя истории. Она дама в возрасте, давно уже осчастливленная множеством внуков, но продолжающая, к нашему удовольствию, работать.

У Нины Семёновны доброе лицо, близорукие глаза за толстыми линзами очков, мягкие руки. Внешне бабушка бабушкой, но учитель до самых корней в каждом слове, жесте, повороте головы. Даже если, не зная её, встретишь на улице, то не ошибёшься — учительница.

Вот и сейчас, стоя к нам спиной, она с чётким постукиванием пишет мелом на доске, не на секунду не прекращая контролировать класс. И я это чувствую на себе.

— Фёдорова, перестань летать в небесах и вернись на землю.

Приглашение вполне конкретное, и я суетливо вздрагиваю, пытаюсь изобразить на лице полнейшее внимание и почитание к предмету.

— Так, где же мы теперь, Мария? — с некоторой ехидцей спрашивает меня Нина Семёновна.

Мой ответ нелеп и примитивен, я это понимаю, но всё равно пытаюсь ответить: «В классе, Нина Семёновна».

— Ну, это ты у нас в классе, а вот мы уже давненько, сударыня, на реке Березине, и число у нас сегодня 16 ноября 1812 года по старому стилю. Тебе это ни о чём не говорит?

IPod отдыхает в скорости обращения к памяти, по сравнению со мной.

Я перебираю в голове в хронологическом порядке события, связанные с войной 1812 года, пытаюсь вытащить из глубин памяти нужное, при этом, уже начинаю ответ.

Урок истории

— Ну, Нина Семёновна, как же, конечно, говорит. Это же... это... вот, — тяну я, но тут осознаю, что поиск закончен, и из глубин памяти выскакивает энциклопедическое определение, которое я и выстреливаю Нине Семёновне: «Сражение на Березине — бои 28–29 ноября между французскими корпусами и русскими армиями Чичагова и Витгенштейна на обоих берегах реки во время переправы Наполеона в ходе Отечественной войны 1812 года».

Нина Семёновна смотрит на меня своим привычным одобряюще-осуждающим взглядом, слегка покачивая головой, мол, знаю я, что не слухала, но ведь выкрутилась же.

— А скажи-ка мне, Мария, какое из событий той войны французы считали для себя главным?

Ну, зря, что ли девять лет в школе учусь. У меня срабатывает реакция профессиональной отличницы, а значит, зазубренное однажды выскакивает сразу, и я выдаю торжествующе: «Бородино!»

— А у кого есть другое мнение? — прищуривается за очками Нина Семёновна.

Класс начинает монолитно гудеть, поддерживая меня, мол интеллигентные люди — историю знаем. Только Ильгиз с задней парты пытается блеснуть эрудицией и с ампулы всезнайки выдаёт: «Знаете, Нина Семёновна, а я считаю, что это взятие Москвы».

— А вот сами французы считали по-другому, — обрывает его Нина Семёновна.

Она берёт со стола книгу, наверное, свою ровесницу, открывает закладку и начинает читать: «Поход Великой армии в Россию оставил мне сабельный шрам у плеча в бою под Гжатском и почти смертельный укус в грудь башкирской стрелы в страшной битве при Березине. Много видел я и мои конные егеря за 15 лет в походах, когда мы шли за императором: кровавые битвы, которые сменяли одна другую, покорённые страны и города,

дымы и пепелища, земли, обильно политые кровью французов и наших неприятелей.

Но ни что не оставило во мне и моих товарищах такого следа, как сражение при Березине... Русские, настигнувшие нас на краю своей земли в ярости были подобны гневу божьему. Они сметали с обледенелых берегов и горящих мостов остатки Великой армии, которая представляла собой печальное зрелище. Все чины перемешались: ни оружия, ни военной выправки! Солдаты, офицеры, даже генералы, покрытые лохмотьями, вместо обуви имевшие обрывки кожи или вмята, еле привязанные при помощи тесемок!

Немногие части ещё пытались оказать сопротивление, но большей частью французская армия была огромной толпой, в которой перемешались тысячи людей различных национальностей, шумно говорящих на всех европейских языках и не имеющих возможности понимать друг друга и объединённые теперь только одним чувством — ужасом.

Спасение мнилось на том берегу, куда накануне ушёл Император и многие пытались переправиться вплавь, — удалось это некоторым, большинство же утонуло: льдины их уносили или разрезали на части при столкновении... Таким образом, закончился самый страшный эпизод русского похода.

29-го утром я посетил то место, где был мост; река почти совсем замерзла, и могильная тишина сменила звуки брани. Остатки французской армии покрывали всю равнину и имели ужасный вид. Вмерзшие в лёд, разорванные ядрами, изрубленные саблями лежали тысячи трупов и представляли собой зрелище до того и после не виданное мной. Покатый берег Березины был чёрно-красным от замерзшей крови. Так Россия мстила за свою поруганную честь, отмывая её нашей кровью. Я смотрел на это и слёзы, замерзая, текли по моим щекам...»

Нина Семёновна закрывает книгу и говорит: «Это написал Жан-Батист Марбо — один из самых авторитетных историков наполеоновских войн, очевидец тех событий и отважный

М. Фёдорова. Последний солдат

офицер. Давайте будем считать его мнение значимым для нас. Ну, а теперь, наверное, будем заканчивать. Задание на доске, повод для размышлений у вас есть. Продолжим тему в следующий раз».

Класс ожил, зашумел, попрощался. Я не тороплюсь. Меня, конечно, зовут: «Маш, ну ты что? Мы тебя ждём!». Вежливо отмахиваюсь, мол, давайте сегодня без меня, а сама просачиваюсь к Нине Семёновне с вопросом: «Нина Семёновна, можно эту вашу книгу почитать?».

Она улыбается: «Конечно, Маша, но ненадолго. Договорились?!» Я благодарно киваю, и в мои руки ложится увесистый том, на обложке которого написано «Французы в России. 1812 г. По воспоминаниям современников-иностранцев».

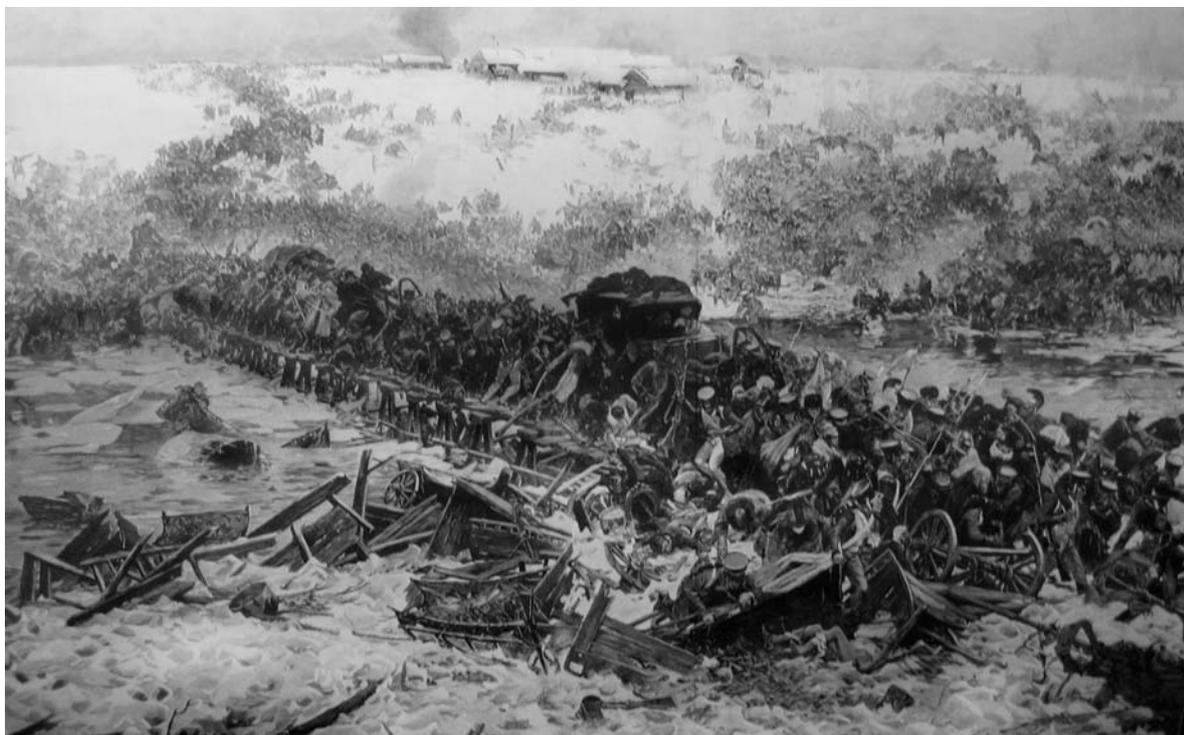
Я уже знаю, что буду читать всю ночь, преодолевая стремление мамы загнать меня в постель. За тёмным окном будут синевой отливать сугробы, морозно искриться сне-

жинки, а я вслед за прочитанным поплыву по волнам своей фантазии.

Мне представится последний, оставшийся в живых на берегу Березины, французский солдат. Всегда ведь есть кто-то последний. Уже сгорели мосты, льдины унесли трупы, а на том берегу, отдаляясь от страшного места, тает толпа, которая когда-то была армией. Стремительно приближаются русские полки Чичагова и Витгенштейна.

Кругом грязный, пропитанный кровью снег. 25 тысяч убитых французов — цена последнего боя на русской земле. Дует зловещий, воющий ветер, несёт над землей метель, которая замечает следы. Всё кончено. О чём ты думаешь, французский солдат, брошенный и обречённый на чужой земле в эту минуту? Что тебе вспоминается?

Наверно вспоминаешь, как провожали тебя, бравого гусара из Тулузы в русский поход, и ты громко кричал, что скоро вернёшься вместе с богатыми трофеями.

Мост через Березину. Худ. Ю. Фалат. 1890 г.

Урок истории

Или проплывает перед твоим взором, как гарцевал ты через Польшу, и полячки бросали тебе букеты цветов. Ах, как тогда топорщились твои усы, как ладно сидели на тебе чакчиры, как сиял галун на ментике, и весь мир казался пылью под копытами твоего коня.

Что можешь ты ещё вспомнить? Объятия маркитантки после яростной конной атаки под Смоленском, когда вы в лоб сошлись с казачьей лавой, а может быть то, как был убит под тобой конь на Бородинском поле?

Как радостны были победы, и сколь тяжёлым был час отступления, когда ты уводил свой эскадрон из почерневшей, обугленной Москвы. Может быть, стоит перед твоими глазами Старая Смоленская дорога, на которой вместо верстовых столбов замерзшие трупы французов, испанцев, бельгийцев и прочих, кто составлял гордость Великой армии, а теперь стали добычей для воронья.

Где твои чакчиры, гусар, где ментик, где медвежья шапка с красным султаном? Дождётся ли тебя в Тулузе твоя жена с детьми? А может просто помянет и оплачет, не зная, где ты принял свой последний час.

Какая будет твоя судьба, последний солдат французской армии, оставшийся на русском берегу Березины?

Может быть, не будет никакой больше судьбы, а через несколько минут пронзит тебя пикой лихо налетевший казак, и ты упадёшь мёртвый к своим товарищам на землю.

А может быть, опустишься обессиленный на снег и замерзнешь, как замерзли многие из твоего эскадрона по дороге от Смоленска к Березине.

А может тебе повезёт, и тебя возьмут в плен. Прогонят по прочищенному зимнику, заведут в деревню и посадят в конский сарай. Там будет тепло, а русские женщины принесут хлеба и молока, накормят тебя. Сами же будут смотреть, и вздыхать, жалея: «сердешный, изголодался-то как». А потом отдадут барину,

который приютит тебя в качестве гувернёра для своих детей.

А может быть, отпустят и тогда ты, проплутав по дорогам Европы, слава богу, доберёшься домой к жене и детям.

А пока ты последний солдат французской армии на берегу Березины. Ты бывший солдат бывшей Великой армии, и армия твоя разбита, и ты уже не похож на солдата.

Наверное, ты просто рождён моей фантазией, а может и был такой Пьер или Жан действительно, да, скорее всего, таких, как ты, были сотни брошены в ту ночь на берегу. Для меня это не имеет никакого значения, так как этот последний солдат — просто символ величия моей державы.

Сказано было однажды великим и благоверным князем Александром Невским: кто с мечом к нам придёт, тот от меча и погибнет. И добавить к этому хочется: и будет у каждого своя Березина.

Я открываю глаза и улыбаюсь от ощущения маминной заботы. Читала на диване, а проснулась в своей мягкой кровати. Под щекой замечательная книга, пахнущая временем и ванилью.

«Подъём» — команду я себе, и включаю автомат управления на программу «утро».

Через полчаса я уже умытая, сытая, причёсанная, облачённая в кадетский китель хватаю сумку и мчусь к двери.

«Книжку-то не забыла?» — кричит мне уже почти вслед мама.

Да нет, не забыла!

И не забыла главное, что узнала, прочитав её.

Ещё бегу, хрустя снегом под сапожками, а уже распаивается, пружиня школьная дверь. Вот я уже отцокиваю любимые сто двадцать шагов по школьным коридорам, вот лестница вниз,

М. Фёдорова. Последний солдат

вот поворот, вот белая дверь, вот вечный, ставший родным запах крема для обуви и карамелек.

Здравствуй, корпус, — это я!

А в дверях — Нина Семёновна.

«Вот книжка» — протягиваю я ей томик, с которым уже сроднилась.

— Ну и как? — спрашивает она меня.

— Для всех врагов будет своя Березина — отвечаю я ей.

— Молодец! — получаю я главную оценку в своей жизни, и в этот раз мне не хочется ни с кем спорить, так я согласна в том, что я молодец!

Но молодец не потому, что ещё одну книжку прочитала, а потому, что почувствовала себя наследницей и правопреемницей тех, кто двести лет тому назад очистил нашу землю от врага до последнего солдата.

Мы из поколения в поколение наследуем Родину, хотя иногда и не осознаём это. А иногда всё так причудливо переплетается.

Я уже почти написала эту статью, когда стала готовить к корпусному мероприятию, посвящённому Дню Победы, доклад о моём прадеде — младшем сержанте 467-го отдельного сапёрного батальона 32-й Краснознамённой стрелковой дивизии Фёдоре Фёдорове. Он погиб под Москвой в декабре 1941 года и в семье, фактически, нет о нём никакой информации.

Пришлось порыться в источниках, съездить в архив, посидеть в библиотеке. И вот тут меня ожидало почти мистическое открытие.

Оказывается, в октябре 1941 года 32-я Краснознаменная стрелковая дивизия вела бои с фашистами в районе Бородинского поля, и ей было передано, для поднятия боевого духа, одно из исторических знамён полков — участников войны 1812 года. Но не это поразило меня.

Поразило то, что 32-й Краснознаменной стрелковой дивизии в этих боях противостоял 638-й французский пехотный полк, входивший в состав 7-й баварской пехотной дивизии вермахта. Мой прадед воевал с французами на Бородинском поле!

Вот что пишет бывший начальник штаба 4-й немецкой армии Г. Блюментрит в мемуарах: «Четыре батальона французских добровольцев, действовавших в составе 4-й армии, оказались менее стойкими. У Бородина фельдмаршал фон Клюге обратился к ним с речью, напомнив о том, как во времена Наполеона французы и немцы сражались здесь бок о бок против общего врага — России. На следующий день французы смело пошли в бой, но, к несчастью, не выдержали ни мощной атаки противника, ни сильного мороза и метели. Таких испытаний им ещё никогда не приходилось переносить. Французский легион был разгромлен, понеся большие потери от огня противника. Через несколько дней он был отведён в тыл и отправлен на Запад».

Не о том напомнил фон Клюге. Ему надо было рассказать французам (да и своим немцам) о том, чем всё закончилось. Уроки истории повторяются для тех, кто их плохо учит.

А мы свои уроки учим хорошо и знаем, что после любого нашествия на нашу землю, враг уничтожается до последнего солдата, и это заложено в нашей общей памяти. Так было, так есть и так будет всегда.

Чсть имею! Кадет Фёдорова.

